

September 2020

NON

PAPER

9

лет

История Non Paper

А. В. Фененко о ядерном факторе в XXI веке

Конфликт вокруг Навального: видение зарубежных и российских СМИ

СОДЕРЖАНИЕ

В ЦЕНТРЕ СОБЫТИЙ

Вспомнит ли Афганистан, что такое мирная жизнь? 4
Ксения Быстрицкая

МНЕНИЕ ЭКСПЕРТА

Ядерный фактор в XXI веке
Интервью А. В. Фененко газете Non Paper 12

NON PAPER

Главный редактор: Анастасия Батагова
Заместитель главного редактора: Диана Хаджимурадова
Художественный редактор: Анна Сухарева
Куратор: Алексей Валериевич Фененко
Корректурa: Валерия Бурдакова, Дарья Киселева,
Глеб Чугунов, Валерия Овчинникова

Редактор: Богдан Авдеев
Журналисты: Анастасия Батагова, Валерия Овчинникова, Дарья Киселева, Дарья Митрофанова, Диана Хаджимурадова, Екатерина Борщевская, Ксения Быстрицкая, Наталья Санникова

Верстка: Анна Сухарева, Александра Войкова
Обложка: Жанна Чумпилова

Фотографии: фотоархив ФМП, личные фотоколлекции студентов, интернет-источники

Дата издания: 9 октября 2020 г.

НА МИРОВОЙ АРЕНЕ

Конфликт вокруг Навального: видение зарубежных и российских СМИ
Дарья Киселева 6

Еврозона: пример для подражания или бомба замедленного действия
Валерия Овчинникова 9

АКТУАЛЬНО

COVID-19: «Африканское чудо» – закономерность или случайность?
Екатерина Борщевская 16

«Моральная неспособность» или результат внутренней борьбы: причины и возможные последствия импичмента президента Перу
Наталья Санникова 19

АРХИВ ФМП

История Non Paper
Анастасия Батагова,
Диана Хаджимурадова 21

Присоединяйтесь к нашей группе вКонтакте!
https://vk.com/nonpaper_official

Подписывайтесь на нас в Инстаграме!
[@non.paper](https://www.instagram.com/non.paper)

ОТ РЕДАКТОРА

Дорогие читатели!

Завершился первый учебный месяц. Конечно, ситуация далека от идеальной: очных занятий совсем мало, а эпидемиологическая обстановка оставляет желать лучшего. Однако мы сохраняли оптимизм и усердно работали над сентябрьским номером.

На этот раз у нас необычная центральная тема – а все потому что Non Paper 6 октября праздновала свой день рождения! Летом мы связались с выпускниками ФМП, основателями издания, узнали у них все подробности и с огромным удовольствием представляем вам краткую историю нашей газеты. Прошло девять лет, издание очень преобразилось. А как именно – вы узнаете из статьи в рубрике «Архив ФМП». Кроме того, мы уже провели праздничное мероприятие. Мы отметили десятилетие Non Paper вместе с приглашенными гостями: А. В. Фененко, Н. В. Юдиным и А. М. Понамаревой – а также с нашими читателями и сотрудниками редакции. В рамках встречи мы устроили викторину по международным отношениям, победители получили ценные призы.

В фокусе Non Paper, как всегда, одни из самых острых и нашумевших тем, такие как ситуация с Навальным (в интерпретации зарубежных и российских СМИ), политическая нестабильность в Перу ввиду импичмента президента. Статьи номера посвящены также ряду перма-

нентных проблем мировой политики: поговорим о Евроразоне, ситуации с COVID-19 в Африке, афганском конфликте и недавних переговорах в Дохе.

Как мы и обещали, в рубрике «Мнение эксперта» теперь уникальный материал – интервью специально для нашего издания. Доцент, доктор политических наук А. В. Фененко рассказывает о ядерном факторе в XXI веке, роли Китая в переговорах по контролю над вооружениями, информационной войне как новом способе противостояния. Интервью доступно читателям также в формате видео, в выпуске – текстовая сокращенная версия.

Пару слов о наших «виртуальных страницах»: в Instagram мы реализуем большой проект по представлению всех студенческих организаций, выкладываем небольшие ролики-презентации.

В группе VKontakte постоянно публикуется новый материал. Мы рассматривали расизм, антисемитизм, национализм, знакомимся с главными аспектами ТМО. Уже месяц мы ведем совместную рубрику с Ближневосточным клубом ФМП, члены которого пишут для нас обзорные статьи о программах Vision в Аравийских монархиях. А еще мы набрали в штат новых журналистов, среди которых, например, автор статьи про коронавирус в Африке Екатерина Борщевская. Также у нас прибавилось дизайнеров, появились операторы. Одним словом, мы не стоим на месте! Уверены, что с такой большой и дружной командой мы добьемся всех поставленных целей и сделаем газету еще интереснее для читателей!

Carpe diem,
Анастасия Батагова,
главный редактор Non Paper

Вспомнит ли Афганистан, что такое мирная жизнь?

К сожалению, существуют точки на карте, которые полыхают огнем войны десятилетиями на глазах у целых поколений. И пока Организация Объединенных Наций выпускает симпатичные доклады о мультикультурализме как необходимости, об уважении прав человека и успешности системы коллективной безопасности, мировое сообщество так и не может урегулировать афганский конфликт, длящийся долгие годы, уносящий десятки тысяч жизней и превращающий быт жителей страны в ад. В начале сентября мир облетела новость: «Правительство Афганистана призывает талибов к гуманитарному прекращению огня в рамках мирных переговоров в Катаре». Удастся ли Афганистану начать долгий и тяжелый путь восстановления и централизации, или же страна безнадежно погрязла в своих непреодолимых противоречиях, – покажет лишь время, а мы попытаемся разобраться, какова ситуация в Афганистане на сегодняшний день.

Афганистан – страна, с которой последние десятилетия ассоциируются лишь насилие, наркотики, террор, страх, война или разрушение. Мы едва ли можем найти там хотя бы подобие централизованного управления: часть территории контролируется вооруженной группировкой «Талибан», запрещенной в России, а сама страна больше напоминает лоскутное одеяло. Несмотря на ряд террористических акций талибов, религиозную фанатичность, производство наркотиков на подконтрольной территории, запрет на искусство, музыку и женское образование, Совет Безопасности ООН признал «Талибан» территориальной организацией в 2003 г. И с этого момента исламистское, откровенно фанатичное движение, признанное в нашей стране террористическим, из врага, с которым необходимо бороться всему мировому сообществу, перешло в разряд «оппонентов» афганскому государственному устройству. С ним должны найти общий язык и американские представители, и мировая общественность, и сам

афганский народ. Но возможно ли это? Возможно ли построить диалог с терроризмом?

МИД России имеет четкую позицию – с террористом диалога нет. И многие критикуют такую точку зрения, приводя аргументы в пользу конструктивной беседы, возможности прийти к консенсусу, мирному урегулированию. Только способны ли к диалогу люди, которые убивают мирных жителей, засаживают сельскохозяйственные поля опиумным маком, организуют теракты и преследуют политически активных афганских женщин, отрицая минимальные ценности цивилизации и здравого смысла? Нужен ли им диалог?

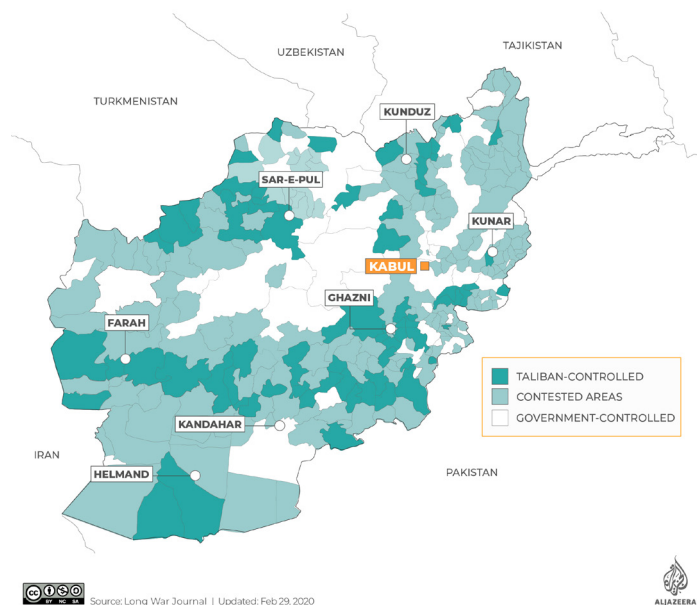
Новостные заголовки пестрят громкими словами, сводки уверяют: переговоры в Дохе – это «исторический процесс», «единственный шанс на урегулирование», «Соединенные Штаты выводят свои войска». Конечно, можно поддаться идеалистическим представлениям, ожидая, что

вот теперь, спустя почти пять десятилетий войны, мирное небо наконец раскинется над Афганистаном. Однако уже через неделю после объявления о гуманитарном прекращении огня мы видим новые жертвы, новые перестрелки и возобновление деятельности талибов. Все это в очередной раз доказывает, что какие бы условия террористам ни предложили – им будет недостаточно, они живут своей идеей, своим Богом, своим представлением о том, как нужно служить ему. Между тем мировое сообщество, взявшись за осуществление такой миссии, как межафганское урегулирование, обязано защитить тех граждан Афганистана, которые не готовы разделять столь радикальные взгляды талибов.

Соединенные Штаты Америки и НАТО, в силу всем известных причин, контролируют территорию Афганистана. Этим летом Трамп заявил о сокращении военного контингента до 8 600 солдат, однако чем больше американцев покидают территорию Афганистана, тем активнее талибы начинают действовать на подконтрольных территориях, рассчитывая на большие уступки. Вступив в переговоры с террористами, выступив посредниками между официальным Кабулом и «повстанцами», Соединенные Штаты упустили один ключевой момент: чтобы мирные переговоры имели какое-то развитие, нужно принять ряд условий талибов. Но какие из условий допустимо принять? В очередной раз США придется либо пойти на сделку с совестью, соглашаясь с требованиями исламистов, либо приостанавливать переговоры, что и произошло этим летом. Факт признания террористической группировки «Талибан» рядом стран осложнил и затянул эту войну и, что более жутко, оправдал десятки тысяч жертв, разрушение исторических памятников, террористические акты борьбой за «лучшее государство». И, как и положено, после определенного периода «политического» противостояния двух «партий» мирные переговоры начались, процесс запущен по всем правилам, а посредником выступают сами Соединенные Штаты. Генеральный секретарь НАТО Йенс Столтенберг, в свою очередь, уже назвал эти переговоры «лучшим шансом на мир» и призвал мировое сообщество «всецело принять их». Видимо, когда исламское государство Афганистан запретит любое секуляризованное проявление частной жизни, мировому сообществу тоже придется всецело это «принять». Талибы имеют единственный аргумент – силу и насилие. Это все, что им знакомо, и это именно то, с чем сейчас мировое сообщество пытается договориться. Но вопрос все еще остается открытым: а возможно ли?

Международная общественность, попрекая одних за нарушение прав частного лица, закрывает глаза на целую страну, где каждый житель живет в тотальном страхе, где каждую минуту нарушаются естественные права на жизнь и свободу. Глобаль-

AFGHANISTAN Who controls what

ная система безопасности как никогда должна функционировать, чтобы установить мир и порядок, восстановить политическую стабильность в стране, но появляются разнообразные причины: вспоминаются понятия национального интереса и разговоры о том, что «они сами должны разобратся». Ситуация в Афганистане сегодня, как и 10 лет назад, упирается в одно – в попытки договориться с террористами. Можно их подкупить, можно им уступить, однако добиться диалога нам не удастся. Признавая их как политическую силу, мы лишь показываем остальным террористическим группировкам подобного толка, что длительное насилие заставляет нас считаться с ними и даже сдавать собственные позиции. Но не для этого так долго человечество стремится выработать общечеловеческие ценности, не для этого ООН собирается в красивом ковровом зале, не для этого мы каждый день пытаемся создать такую мировую систему, где каждый человек на Земле чувствовал бы, что его естественные права защищены. Остается лишь искренне желать, чтобы граждане Афганистана в ближайшем будущем узнали, что это такое. А пока террористы вновь иницируют вооруженные столкновения, заставляя новостные заголовки содрогаться от нового числа жертв не только среди солдат, но и среди мирного населения.

Ксения Быстрицкая

Конфликт вокруг Навального: видение зарубежных и российских СМИ

Инцидент с ярким оппозиционным лидером России не смог остаться без внимания беспоконных западных стран, которые не столько испытывали сочувствие к Навальному, сколько потирали руки от выпавшей им возможности накалить и без того напряженные отношения с Россией. Как они интерпретировали это происшествие и что намерены делать, чтобы наказать виновную, по их мнению, Россию, – об этом в нашей статье.

Алексей Навальный почувствовал себя плохо утром 20 августа по дороге из Томска в Москву. Самолет, в котором находился оппозиционер, пришлось экстренно посадить в Омске, чтобы госпитализировать пострадавшего. Он был доставлен в отделение токсикореанимации, где затем впал в кому. До рейса, по словам пресс-секретаря Навального, он пил только чай в аэропорту Томска. Исследования, проведенные в омской больнице, выявили отсутствие в организме больного ядов или их следов. Через два дня Навальный был перевезен в клинику «Шарите» в Берлине, где пролежал в коме до 14 сентября. В настоящее время он постепенно поправляется и даже намеревается вернуться в Россию после выздоровления.

Однако несмотря на благоприятное развитие событий, мировое сообщество весьма нелестно отзывалось о России, обвиняя ее в намеренном от-

равлении оппозиционного деятеля «Новичком». О чем они пишут? Давайте разбираться.

Американские СМИ

Как сообщает CNN, тот факт, что Навальный был отравлен, не вызывает сомнений, ведь он является самым выдающимся критиком Кремля, которого таким образом «заставили замолчать». По мнению источника, Навальный готовил материал по должностным преступлениям в преддверии региональных выборов в России, которые состоялись 13 сентября. Более того, CNN пишет, что, так как Россия уже была замешана в отравлении «Новичком» Скрипалей в 2018 г., ничто не помешало сделать ей это и с Навальным.

The New York Times считает, что отравление оппозиционера не сойдет с рук Путину. Если президент продолжит отрицать факт отравления и

скрывать правду, то это только усилит подозрение в том, что удар, нанесенный Навальному, был преднамеренный и санкционированный государством, – пишет газета.

The Washington Post вовсе характеризует Навального как молодого льва, который «готов сразиться с Путиным за его территорию». Называя оппозиционера врагом Кремля № 1, газета сообщает о том, что государство боролось с ним разными способами: обвинениями, арестами, обысками. Однако после того как все методы были исчерпаны, оно решило прибегнуть к отравлению.

Британские СМИ

Телеканал ВВС оказывается менее категоричным в обвинениях и ограничивается рассказами о личности Навального и его популярности, а также описанием вещества «Новичок».

The Guardian в своих статьях сообщает о состоянии оппозиционера, а именно: о его выходе из комы, отключении от аппарата ИВЛ и первых шагах. Также газета пишет о реакции мировых лидеров на инцидент с Навальным: они призывают президента России разъяснить ситуацию.

Французские СМИ

Le Monde описывает подробности телефонного разговора, который состоялся 14 сентября между президентами Франции и России. Макрон выразил свою озабоченность «преступным деянием», совершенным против Навального. Путин же, по сообщениям Le Monde, с презрением отозвался об оппозиционном лидере, назвав его преступником, который совершает противозаконные действия в Интернете и с помощью созданного им антикоррупционного фонда шантажирует чиновников.

Что касается TV5Monde, то в своем репортаже канал делает акцент на взаимоотношениях России и Германии (после случившегося с Навальным Германия начала угрожать России ужесточением санкций).

Немецкие СМИ

Важную роль в ситуации вокруг Навального играет немецкая сторона. Канцлер Германии в своём Instagram выражает сочувствие оппозиционеру и заявляет, что мир ждет ответа от России. Преступление против Навального, пишет Меркель, является серьезным нарушением прав человека.

Вопрос об отравлении лидера российской оппозиции активно освещается и в СМИ. Как сообщает Deutsche Welle, специальная лаборатория Бундесвера обнаружила, что Навальный был от-

равлен «Новичком». Позже эту информацию подтвердили лаборатории Франции и Швеции. По мнению источника, всякий, кто оказывает сопротивление российскому правительству, подвергает свою жизнь опасности. Более того, инцидент с отравлением поднял вопрос о прекращении строительства Северного потока-2. Однако, согласно информации Reuters, канцлер не намерена приостанавливать проект, который заложен на многие десятилетия. Меркель считает, что важно отделять политические дела от экономических. И это не значит, что обвинения с России будут сняты. По мнению министра экономики и энергетики Альтмайера, «санкции часто работают не только против тех стран, на которые они направлены». Он также уверен, что от приостановления проекта может пострадать не только Германия, но и другие страны ЕС.

Китайские СМИ

Xinhua воздерживается от громких заявлений, ограничиваясь лишь кратким описанием ситуации и мнений. Так, пишет новостной источник, по мнению депутатов Государственной думы, отравление Навального – это спланированное действие Запада против России с целью ухудшить отношения и наложить новые санкции.

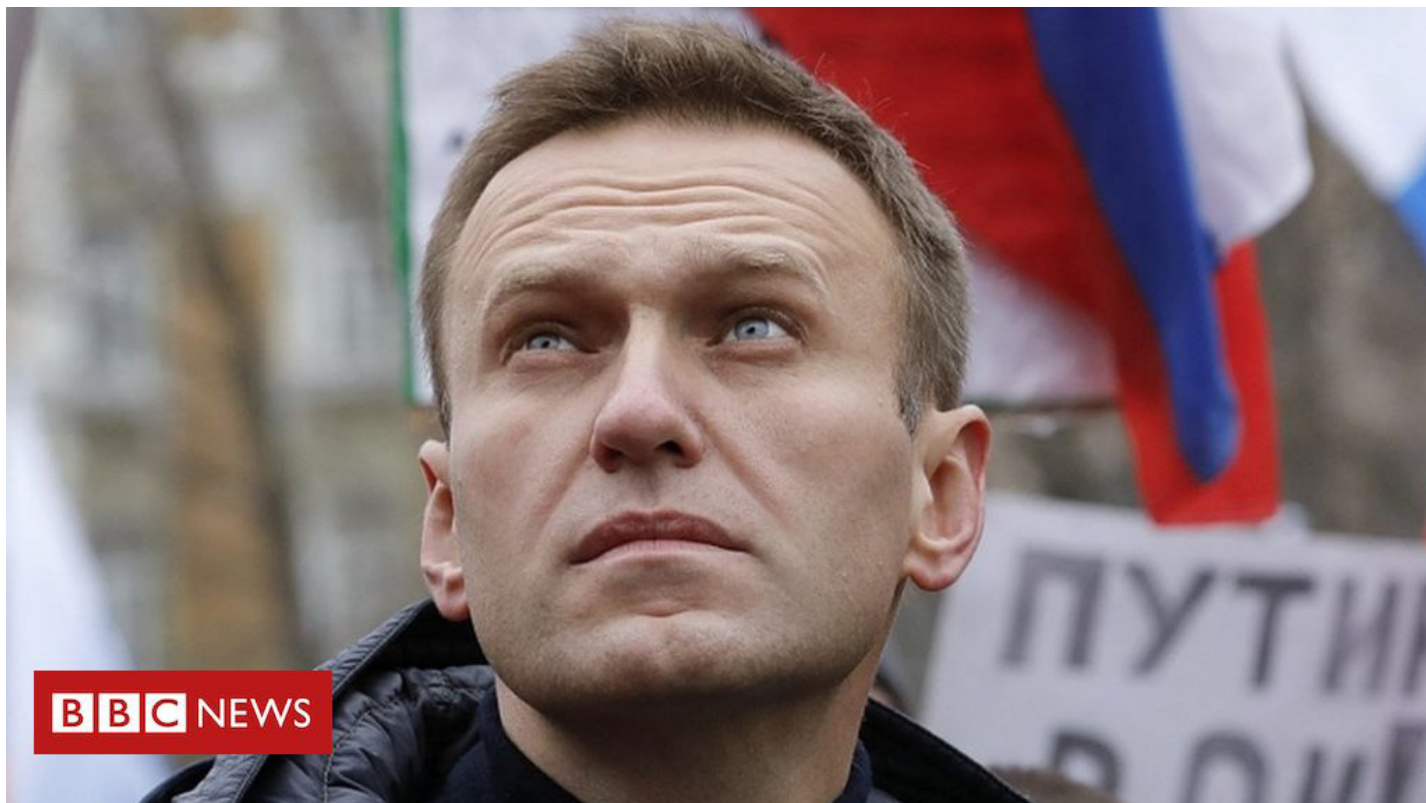
Арабские СМИ

Aljazeera публикует любопытную статью, в которой речь идет о Виле Мирзаянове, главном ученом-разработчике «Новичка» (по мнению источника). Мирзаянов принес свои извинения Навальному, а также выразил сожаление по поводу причастности к этому проекту. Однако, как сообщают российские СМИ, участие ученого в разработке ядовитого вещества было весьма минимальным, а каяться Мирзаянову надо не за Навального, а за публикацию формулы в открытом доступе (его книге).

В целом, в азиатской прессе тема Навального далеко не на первых полосах. Можно найти лишь единичные статьи, отсутствует ежедневное обновление информации, и сам по себе этот вопрос не имеет первостепенной важности.

Российские СМИ

Реакцию российской стороны на все вышеперечисленные обвинения можно найти в статьях RT. Так, источник сообщает, что Россия ждет от ФРГ предоставления доказательств отравления Навального «Новичком». Официальный представитель МИД РФ М. Захарова считает, что громкие заявления о наличии яда сделали не медики, а политики, из-за чего дело приобретает «нечистоплотный» характер. Также в МИД РФ называют «удивительной вещью на грани фантастики» тот

факт, что никто из окружающих Навального не пострадал от яда в тот роковой день. Более того, Россия выражает готовность провести совместное расследование дела, а также стремится избежать политизации ситуации.

В настоящий момент, по сообщениям RT, Навальный уже выписан из больницы, в которой провел 32 дня.

Таким образом, проанализировав мнения зарубежных СМИ, можно заметить, что они делятся на два типа. Первый тип мнений – это сильные заявления, которые были высказаны, чтобы обвинить Россию в «покушении на убийство» и призвать страну к ответственности. Второй же тип – нейтральные и беспристрастные тезисы, в которых отсутствуют поспешные выводы, а прослеживается только описание фактов. Однако иностранные каналы не дадут нам в полной мере ответа на два главных вопроса: «Кто виноват и что делать?», ибо правда, как говорится, у каждого своя. Но какой вывод напрашивается из всей этой ситуации?

А вывод напрашивается следующий: каждая сторона конфликта действует с позиции своих интересов. Если западным странам угодно обострить и без того напряженные отношения с Россией и ввести против нас новый пакет санкций, они будут обвинять нас во всех смертных грехах, не разобравшись до конца в ситуации. Если же сотрудничество с Россией стране выгодно, как, например, в случае с Германией, которая осознает, какими потерями ей грозит отказ от Северного по-

тока-2, она умиротворит свой пыл и не будет настолько категорична. Но что действительно странно, так это несостыковки, которые имеются в ситуации с Навальным. Во-первых, если следы злополучного «Новичка» действительно были обнаружены, тогда почему бы не предоставить доказательства исследования? Ситуация очень напоминает конфликт вокруг Скрипалей. Более того, как уже писалось выше, «Новичок» – яд опасный, едва ли он мог подействовать избирательно только на одного оппозиционера, обойдя стороной окружающих его людей. Поэтому, по мнению российских СМИ, ситуация кажется постановочной.

И, наконец, чего ждать России от этой истории? Однозначно не стоит надеяться на то, что все обвинения чудесным образом будут сняты. До тех пор, пока конфликт выгоден какой-то стороне, он будет продолжаться. Но, как и в случае со Скрипалями, со временем конфликт потеряет свою актуальность и постепенно сойдет на нет, возможно, так и не приведя к справедливому расследованию.

Дарья Киселева

Евровалюта: пример для подражания или бомба замедленного действия

Евровалюта – это единственная валютная зона в мире, эффективно действующая в масштабах регионального объединения. Введение евро в обращение стало масштабным проектом, ради которого страны пошли на социальные реформы и политику жесткой экономии. Оправдались ли ожидания стран? И удастся ли зоне евро преодолевать вызовы XXI века: мировой финансовый кризис и сложную эпидемиологическую ситуацию на фоне распространения инфекции COVID-19?

Европейский союз представляет собой региональное объединение, которое находится на предпоследнем этапе интеграции (согласно классификации стадий региональной интеграции, предложенной американским экономистом

Б. Балаши) – стадии экономического союза. В последние десятилетия на уровне ЕС ребром стоит вопрос о переходе к последнему этапу – политическому союзу. Евровалюта, в свою очередь, является единственным валютным союзом, эффективно действующим в масштабах регионального объединения, а евро – второй мировой резервной валютой, доля которой в международных расчетах в последние пару лет демонстрировала тенденцию к росту по сравнению с долларом. Однако так ли эффективно и успешно функционирование валютного союза? Является ли экономический и валютный союз примером для остальных интеграционных блоков?

В статье будут выделены две основные проблемы еврозоны. Во-первых, разная скорость развития стран и неготовность более сильных и стабильных лидеров тянуть за собой экономически слабые страны порождают привилегированное положение экономически сильных стран. Во-вторых, в рядах европейских политиков нет единства по вопросу о перспективах развития еврозоны.

Проблемы еврозоны были выявлены еще на этапе ее формирования. К 1999 г., согласованной дате введения евро, далеко не все страны привели свои экономические показатели к критериям конвергенции. Согласно статистике, предоставленной статистическим агентством ЕС в 2004 г., Греция нарушала установленные критерии с 2000 г.; нельзя исключать и тот факт, что при одобрении Экофином ее вступления в зону евро в 1998 г. были предоставлены неверные данные. В течение 1980–1999 гг. среднегодовой дефицит бюджета Греции составлял

8 процентов ВВП, а средний уровень инфляции снизился за этот период с 19,5 процента до 11,6 процента к 1999 г. (при норме 1,5 процента). Самой очевидной слабостью еврозоны оказалось отсутствие независимого контроля органов ЕС над статистическими данными и национальной экономической политикой. Тот факт, что против Греции не было введено никаких серьезных санкционных мер, доказывает, что критерии конвергенции оказались скорее политическим механизмом для регламентирования вступления в еврозону южно-европейской страны, нежели экономическим.

Несмотря на попытки стран обезопасить себя от кризисных ситуаций Пактом стабильности и роста (далее - Пакт), который предусматривает санкции по отношению к странам, систематически нарушающим критерии, вышеупомянутые жесткие требования были изменены. Уже с 2003 г. страны начали отклоняться от единых экономических показателей. В декабре 2003 г. Еврокомиссия предупредила Францию и Германию по поводу превышения предельно допустимого уровня государственного дефицита. Однако Экофин по требованию этих двух стран приостановил предусмотренные Пактом санкционные взыскания и отменил требование Еврокомиссии о дополнительном сокращении бюджета.

Такая уступка ведущим странам еврозоны создавала опасный прецедент, апеллируя к которому и другие европейские страны могли предпринять попытки по избежанию санкционных мер. Такого рода действия могли подорвать доверие к твердой финансовой политике. Неслучайно в те годы назревало недовольство Нидерландов и Австрии, которые выступали за соблюдение Пакта стабильности и роста. Еврозона столкну-

лась с необходимостью проведения преобразований. В результате реформы, начатой в 2005 г., были смягчены правила определения сверхнормативного дефицита и удлинены сроки его исправления. Кроме того, был значительно расширен перечень исключительных обстоятельств для бюджетного дефицита. Факт внесения поправок в Пакт в столь короткие сроки подтвердил то, что установленные критерии вступления в еврозону не являются безусловными и могут быть адаптированы к новым вызовам.

После начала мирового финансового кризиса стало понятно, что невнимание к странам-должникам, которые не успели провести необходимые реформы и не привели свои экономики к единому образцу, привело к глубокому кризису еврозоны. К началу 2009 г. Греция находилась на грани дефолта, дефицит в стране составлял 14 процентов ВВП (при норме 3 процента). Страны решительно отказывались от предоставления дополнительных мер поддержки Греции, неоднократно нарушавшей правила еврозоны. Министр финансов ФРГ Вольфганг Шойбле заявил, что Греция живет далеко не по средствам в течение многих лет, однако немцы не могут платить за ошибки греков. В ЭВС даже вставал вопрос об исключении слабых стран (к ним относили также Испанию и Португалию) из еврозоны, что угрожало стабильности и имиджу валютной зоны. Без преувеличения можно сказать, еврозона в тот период балансировала на грани краха.

Когда к концу 2009 г. греческий вопрос встал особо остро, европейские государства предоставили стране кредиты, а в 2010 г. создали стабилизационный фонд размером в 750 млрд евро для поддержки стран, которые не смогли самостоятельно выйти из кризиса. Тогда

же впервые был поднят вопрос о выпуске европейских облигаций (евробондов) - коллективных долговых обязательств для закрытия долгов слабых стран, против чего жестко выступила Германия. Кризис показал, что европейская солидарность уступает место национальным интересам: сильные страны не готовы тянуть слабые за собой.

Подобная кризису 2008 г. ситуация произошла в 2020 г. с неожиданным наступлением пандемии COVID-19, которая стала новым триггером для еврозоны. В то время как Италия находилась в критическом положении, страны еврозоны не торопились принимать меры и оказывать помощь стране, принявшей на себя первый удар коронавируса. На ранней стадии кризиса Россия и Китай отправили медикаменты в Италию, в то время как её ближайшие соседи не смогли немедленно отреагировать на призывы Рима о помощи. Только 4 июня в рамках еврозоны были приняты меры Европейским центральным банком по выходу из кризиса. Программа чрезвычайных закупок на случай пандемии (PEPP) на сумму в размере 1350 млрд евро была направлена на снижение стоимости займов и увеличение кредитования в европейской валютной зоне. Это помогло гражданам, компаниям и правительствам получить доступ к средствам, которые могут им понадобиться для преодоления кризиса. Также Центральный банк снизил ставки в целях повышения доступности кредитования.

Стоит отметить, что по сравнению с кризисом 2008 г. меры были приняты достаточно быстро (вспомним, что обсуждения по греческой проблеме длились несколько лет), однако на фоне пробуксовки европейской экономики во время пандемии эти меры можно считать запоздавшими. Страны были вынуждены рассчитывать на свои собственные силы, а вопрос об эффективности еврозоны повис в воздухе. Кроме того, в южных странах (Франции, Италии, Испании) политики вновь заговорили о выпуске совместных долговых облигаций. Германия, Австрия и Нидерланды негативно настроены в отношении этой идеи.

Вторая проблема, которую высветил мировой финансовый кризис, - несоответствие экономического и политического типов интеграции. Провал Конституции ЕС на референдумах в Нидерландах и Франции доказал неготовность многих стран передавать национальные полномочия государствам на надгосударственный уровень. Во время мирового финансового кризиса европолитики столкнулись с проблемой недостатка полномочий органов Союза для проведения независимой валютной политики. Во время своего председательства в Совете ЕС (1 июля 2008 - 1 января 2009 гг.) президент Франции Николя Саркози поднял вопрос о создании экономического правительства в еврозоне. Он заявил о недостаточности Центрального банка и общей валюты для эффективного реагирования на изменения в мире и связанные с ними проблемные ситуации, что доказал текущий кризис. По словам французского президента, ЕЦБ должен действовать независимо, опираясь на экономическое правительство. Однако и это предложение

не получило поддержки большинства стран-членов еврозоны. По словам генерального секретаря Совета ЕС Юргена Трампфа: «Партнеры по ЕС просто боятся дальнейших проявлений потери суверенитета».

Дальше всех в планах по политическому реформированию еврозоны пошел нынешний президент Франции Эмманюэль Макрон, предложивший в 2017 г. масштабный проект. В разделе, затрагивающем еврозону, предлагалось создание бюджета зоны, который принимался бы Европейским Парламентом и исполнялся бы Министром экономики и финансов еврозоны. Однако проект Макрона не мог быть претворен в жизнь без поддержки немецкого партнера. Реакция канцлера ФРГ Ангелы Меркель на грандиозные планы французского лидера (впрочем, как и на другие подобные проекты) была неоднозначной — большинство радикальных предложений было отклонено. В совместной Мезебергской декларации не упоминался Министр финансов, однако было сохранено предложение о создании общего бюджета еврозоны. Последний должен быть сформирован к 2021 г., а финансирование должно поступать как из национальных взносов членов ЕС, так и из перераспределенных налоговых поступлений и пула общеевропейских ресурсов. Была изменена ключевая цель бюджета – теперь это только источник инвестиций и стабилизационный фонд для предотвращения безработицы.

Таким образом, зона евро уже в первые 20 лет своего существования испытала два мощнейших кризиса, которые выявили политические просчеты её структуры, а также разительно различающиеся взгляды стран по линии «Север-Юг»: северные страны во главе с Германией отстаивают политику жесткой экономии, а южные во главе с Францией — большую гибкость политики еврозоны для реагирования на внешние и внутренние шоки. Кроме того, экономическое развитие блока не соответствует политическому, что, с одной стороны, не дает институтам ЭВС проводить независимую политику, а с другой, позволяет странам сохранять свою экономическую независимость. Смогут ли европейские государства сохранить свою солидарность? Не будет ли следующий вызов критическим для еврозоны? На эти вопросы предстоит ответить европейским политикам. С высокой долей вероятности, залогом повышения эффективности еврозоны станет гармонизация позиций стран-членов. Однако в ситуации отсутствия консенсуса в рядах интеграционного объединения и на фоне неблагоприятной конъюнктуры запас прочности еврозоны продолжает уменьшаться, что не в последнюю очередь сказывается на климате доверия в рамках ЕС.

Валерия Овчинникова

Ядерный фактор в XXI веке

Интервью А. В. Фененко газете Non Paper

Сегодня мы наблюдаем распад системы контроля над вооружениями. Мы много писали об этом в предыдущих выпусках, анализировали причины и последствия этого процесса. Однако тема не теряет своей актуальности, все более дискуссионным становится вопрос о продлении СНВ-3. Мы решили узнать мнение эксперта и взяли интервью у доцента, доктора политических наук Алексея Валериевича Фененко. Полная версия беседы нашего корреспондента, Дарьи Митрофановой, с А. В. Фененко также доступна читателям в формате видеозаписи. В этой статье – ключевые тезисы Алексея Валериевича.

Дарья: В первую очередь хотелось бы поговорить о нашумевшем за последнее время договоре СНВ-3, действие которого заканчивается в 2021 г. Мы наблюдаем проблемы с его продлением. Как Вы думаете, что ждет архитектуру контроля над вооружениями: полный развал, или ключевые игроки смогут договориться в последний момент?

А. В. Фененко: Наверное, начну немного с необычного ракурса при ответе на Ваш вопрос. Сама по себе архитектура контроля над вооружениями — это очень недавнее изобретение. Ведь когда она появилась? Только в начале 60-х, а это всего-навсего какие-то 60 лет назад, даже меньше 60 лет. Да, в масштабах политики — это большой срок, но в масштабах истории — это срок, согласитесь, минимальный.

Попытки создавать архитектуру контроля над

вооружениями предпринимались и в более ранние эпохи. Посмотрите на начало XX века. Какая была масштабная попытка создать режимы правил ведения войны, режимы ограничения на применение силы: Гаагские и Женевские конвенции. В принципе, это чем-то помешало началу Первой мировой войны? Да ничем. Далее возьмем межвоенный период, где были международные конференции по разоружению, был знаменитый Женевский протокол о запрещении применения химического и биологического оружия в ходе военных действий. Была система Вашингтонского и Лондонского морских договоров. Многие из этого обнулилось с началом Второй мировой войны. Так почему мы считаем, что наш мир — это какое-то исключение из правил? Почему мы думаем, что та система контроля над вооружениями, которая начала складываться 60 лет назад и окончательную форму обрела на ру-

беже 80-90-х гг., является вечной и бесконечной? Почему мы думаем, что это раз на все времена и на века? Это опять-таки упирается в философский вопрос. Мы считаем свое поколение и свой мир каким-то особенным, отличным от всех столетий и тысячелетий мировой истории. А, собственно, чем он отличается от них? Почему мы считаем себя какими-то особыми? То есть я подвожу это к тому, что вполне допускаю, что нашу третью попытку создать глобальную систему контроля над вооружениями ждет та же участь, что и первые две. И мы почему-то этому удивляемся, совершенно забыв об истории, искусственно отделив наш мир от всех предшествующих попыток.

Более того, насколько мы видим, американцы уже взяли курс на слом системы контроля над вооружениями. Началось это еще в 2002 г., когда администрация Буша-младшего вышла из Договора по противоракетной обороне. Теперь мы видим распад Договора о ракетах средней и меньшей дальности, Договора открытого неба. СНВ-3 просто на очереди. Конечно, в том виде, в каком он есть, его не продлят. Во-первых, американцы взяли курс на модернизацию стратегических ядерных сил. Во-вторых, американцы не исключают возможности ограниченного военного конфликта с Россией и Китаем. Если это так, то ракеты средней и меньшей дальности — это очень важное средство (за счет малого подлетного времени) взятия в заложники ключевых объектов, нанесения ударов по тем же региональным комплексам противовоздушной и противоракетной обороны. А если они берут курс на их создание, то режим контроля им попросту не нужен. Третий момент: раз американцы берут курс на модернизацию стратегических ядерных сил, на создание различных типов противоракетной обороны, значит, уже сформировалась прослойка людей, которые строят на этом карьеру, которые получили соответствующее финансирование, которые получили необходимые места. Теперь дать задний ход бюрократической машине — это очень сложная система. Это лобби будет всячески этому сопротивляться. Ну и четвертый момент: американцы просто не видят на какую уступку со стороны России они могут разменять такой задний ход своим программам модернизации. Вот совокупность всех этих фактов делает перспективы контроля над вооружениями очень слабыми.

Дарья: С учетом того, что перспективы контроля над вооружениями очень слабые, насколько, по Вашему мнению, реально то, что ядерный фактор станет единственным сдерживающим в условиях распада системы контроля над вооружениями?

А. В. Фененко: А насколько он вообще был сдерживающим? Это тоже большой-большой вопрос. Давайте вспомним ключевое положение в длинной телеграмме Кеннана: советское руководство

не хочет новой большой войны. Игрока, который хочет войны, не сдержит никакой фактор. Давайте вспомним, что Гитлера не сдержала вся химическая мощь и Советского Союза, и стран Запада. Никак химическое оружие не повлияло на решение Гитлера развязать Вторую мировую войну. И никак оно не повлияло на императора Японии с его идеями со вступлением во Вторую мировую войну. И никак вся мощь Антанты не сдержала кайзера Вильгельма от развязывания Первой мировой войны. То есть почему нет войны? Потому что есть ядерное оружие? Или потому что мы пока не видели ревизионистских режимов, которые хотели бы тотального пересмотра итогов Второй мировой войны? Вот ключевая проблема. Давайте вспомним, что периоды долгого мира были и до ядерного оружия. Большую часть XIX века от Венского конгресса до Сараева в мире не было больших войн. В мире были только малые войны. Так они есть и сейчас. И не в малом количестве. То есть насколько оно было сдерживающим моментом. Ну и третий момент, когда мы говорим о сдерживающей роли ядерного оружия, мы почему-то забываем одну вещь: у нашей цивилизации нет практического опыта применения этого оружия. Мы в принципе боимся того, чего не видели никогда. Пока оно не состоялось как оружие. Мы не знаем трех вещей: какое точно количество целей поразит оружие (80 процентов, 100 процентов, 50 процентов); какие контрмеры предпримет противник; как это скажется на его вооруженных силах и населении. У нас есть только опыт Хиросимы и Нагасаки. Но это была политическая демонстрация — удар по деревянным постройкам. И у нас есть неоднозначный опыт ядерных испытаний, но испытания — это не война. То есть мы боимся оружия, хотя никогда не видели в его действии.

Дарья: Некоторые эксперты говорят, что на данный момент отношения России и США оставляют желать лучшего и конфронтация пойдет на спад после подобной Карибскому кризису точке, пику кризиса. И только после этого начнется налаживание взаимоотношений между двумя странами. Как Вы относитесь к данному утверждению?

А. В. Фененко: Знаете, у меня встречный вопрос. А почему оно вообще должно налаживаться? Вот опять-таки, это наша философия. Мы себя убеждаем в том, что в какой-то момент мы обязательно должны наладить отношения с США. А почему мы должны их наладить? Существует множество альтернатив: перманентная конфронтация, подрастание третьих держав до нашего уровня. Не исключаю силового конфликта между нами.

Кстати, не так давно читал любопытную статью Караганова, который говорит: «С появлением в мире ядерного оружия большая война СССР и США стала невозможной». У меня вопрос: а мно-

го ли вообще было в мире больших войн? Да их и были-то единицы. По сути, великие державы были затронуты только двумя крупными войнами за последние столетия: Наполеоновскими и Второй мировой. Даже Первую мы не видели, она шла в пограничных территориях. Тридцатилетняя война вообще шла вся на территории Германии. Почему мы считаем, что появилось ядерное оружие и не стало больших войн? Большие войны очень редки. Обычно срок между ними 100-150 лет. И мы еще даже не подошли к столетию с окончания Второй мировой войны. То есть почему обязательно мы в финале должны наладить отношения с США, а не столкнуться в каком-то конфликте? Или второй вариант по Оруэллу – находиться в перманентной конфронтации, где постоянно ведутся где-то локальные военные действия. Это ведь не столь фантастичный вариант, как может показаться.

Дарья: Теперь хотелось бы поговорить о роли Китая в режиме контроля над вооружениями. Как известно, Китай не собирается вписывать себя ни в старую систему контроля над вооружениями, ни в новую.

А. В. Фененко: Сразу встречный вопрос: а почему Китай должен вписывать в себя в эту систему? Опять-таки, это логика нас и американцев, унаследованная от холодной войны. Вот мы считаем, что они все рано или поздно должны присоединиться к нашей системе. Но это далеко не един-

ственная альтернатива, правда? Вовсе необязательно он будет присоединяться к нашей системе.

Дарья: Да, он необязательно будет присоединяться, и он как раз не собирается это делать. Однако Соединенные Штаты Америки раз за разом на переговорах по стратегической стабильности заявляют, что они не будут выстраивать систему контроля над вооружениями без учета Китая. Как в данных условиях строить отношения с Соединенными Штатами, и выстраивать какую-либо новую систему, и разрабатывать какой-то новый договор?

А. В. Фененко: Если вы не хотите заключать договор, вы найдете тысячи предложений, как его не заключить. Поскольку привлечь Китай нереально, всегда можно сказать: «Да мы-то хотели, но злой Китай не хочет». Завтра если произойдет чудо, и Китай скажет «да», поверьте, появится Индия, которая не хочет присоединяться к нашему соглашению. Потом надо будет учесть фактор Ирана, фактор Израиля, да кого угодно. По-моему, вся эта история вокруг Китая – это мягкий способ отказать России.

Дарья: Не считаете ли Вы, что в таком случае система контроля над вооружениями осталась в прошлом, и на данном этапе необходимо регулировать другие сферы взаимоотношений, вышедшие на первый план, такие как, например, кибероружие и информационные войны?

А. В. Фененко: Кибероружие вышло на первый план, но кто, где и когда видел применение этого оружия? Пока еще не было ни одного достоверного известного случая применения этого самого кибероружия.

Дарья: А вирус «Stuxnet» в Иране?

А. В. Фененко: А Вы уверены, что это было кибероружие, а не что Иран банально не успевал запустить Бушерскую АЭС и придумал красивую версию, почему он опаздывает. Вот ведь как замечательно: «Не мы опаздываем, не можем достроить, а это вот злой Израиль нам помешал». Был еще один случай, когда Эстония в 2007 г. обвинила Россию в атаке на серверы. Это более опасный момент. Неважно, было или нет, эстонцы поставили вопрос о вводе в действие пятой статьи Вашингтонского договора. Им в этом отказали тогда, но идея сама появилась, что можно предпринять военные действия в ответ на обвинение вас в применении кибероружия.

Что касается информационных войн, то, по-моему, они могут происходить только в мире государств, у которых есть общие ценности. Если у вас нет общих ценностей, никакая информационная война невозможна. Например, американцы по радио «Свобода» в 70-80-ые гг. кричали, что советское правительство ввело войска в Афганистан, и это международное преступление. Если вы имеете дело с народами, какими были в свое время Германия и Япония, которые в ответ на это вам скажут: «Ну вот и хорошо, что ввели. А ваша ничтожная страна будет следующей, куда мы введем». Вот с таким народом вести информационную войну бессмысленно. Если у вас нет элементарного консенсуса по ценностям, то у вас нет и не может быть никакой информационной войны.

Дарья: Какой в таком случае у нас сейчас с Соединенными Штатами консенсус по ценностям, если многие эксперты говорят, что информационная война между Россией и США все-таки ведется?

А. В. Фененко: Консенсус по ценностям у нас колоссальный. Во-первых, мы все пока считаем, что мир ООН надо сохранить. Мир Совета Безопасности надо сохранить. Устав ООН надо сохранить. А раз мы сохраняем Устав ООН, значит мы разделяем три его положения. Первое – равенство народов и рас. Заметьте, ни мы, ни американцы пока не называем друг друга низшей расой или кем-то, кого нужно ликвидировать как таковых. Посмотрите, какие у нас интересные с американцами идут споры вокруг пакта Молотова-Риббентропа. Ведь все споры ведутся о том, виновен Сталин аналогично Гитлеру в развязывании Второй мировой войны или невиновен. Представьте себе, что появляется некий третий, который зевая

говорит: «Ну, поделили Польшу, туда ей и дорога. Давно пора». С этим человеком и с этим народом спорить бессмысленно.

Далее, если мы разделяем Устав ООН, то у нас есть все-таки некая ценность «не объявлять войны». Мы ведем их скрыто, в виде миротворческих операций, операций по принуждению к миру, но мы не говорим «отнять и захватить». Если, представьте, где-то в мире появляется такой режим с мощным вооружением, какая с ним может быть информационная война?

А вот сохранится ли консенсус по ценностям – это, для меня лично, большой вопрос. Посмотрите на дискуссию о Второй мировой войне. Пока мы спорим до хрипоты, пока мы ругаемся о чем-то вместе. А представьте себе, что перестали ругаться, просто пришли к выводу: «у вас своя картина мира, у нас своя. Мы вас не знаем и знать не хотим». Тогда никакой информационной войны нет.

Посмотрите на еще один момент: на наши интернет-форумы и негодование по поводу любого президента США. Потоки всяких ругательских комментариев. Это означает, что они нам интересны, мы хотим, чтобы они вели себя иначе. Если б у нас была холодная ненависть к народу как таковому, ни одного комментария бы не было. И если рухнет этот консенсус по ценностям, который пока еще сохраняется, то тогда, соответственно, у нас нет и не может быть никакой информационной войны. Тогда мы готовимся к войне горячей.

Благодарим Алексея Валериевича за интересное интервью!

Обязательно посмотрите полную версию интервью в нашей группе

Интервьюер: Дарья Митрофанова
Расшифровка: Оксана Тымченко, Максим Мотин
Съемка: Анна Сухарева
Монтаж: Гульмира Айтбаева, Анна Сухарева

COVID-19: «Африканское чудо» — закономерность или случайность?

«Достаточно всего лишь одного случая – одной искры, которая разгорится в бурное пламя и приведет к небывалой по масштабам вспышке коронавируса» - [утверждает](#) камерунский вирусолог и директор Африканских Центров по контролю и профилактике заболеваний Джон Нкенгасонг. Однако на практике наблюдается практически диаметрально противоположная ситуация – Африка остается одним из наименее пострадавших от пандемии регионов мира.

Африка – поистине горячая точка для Всемирной Организации Здравоохранения. С начала 2000-х гг. целый ряд эпидемий как глобального, так и регионального масштаба, нанесли ощутимый ущерб странам африканского континента. Так, к декабрю 2009 г. на территории Африки [было подтверждено](#) более 16 тысяч случаев заражения свинным гриппом H1N1, из которых более сотни привели к летальному исходу. В 2014-2016 гг. печально известная лихорадка Эбола поразила западноафриканский регион и унесла жизни более 11 тысяч человек, тем самым став [самой крупной](#) вспышкой с момента обнаружения вируса. Сегодня подобная статистика уже не кажется пугающей – пандемия коронавирусной инфекции ведёт счет не на десятки и даже не на сотни тысяч заболевших, а на миллионы. Пандемия COVID-19 не обошла стороной и Африканский континент, но при этом не приобрела шокирующий масштаб, которого ожидали эксперты. На 22 сентября 2020 г. в Африке было зарегистрировано 1 145 890 случаев заболевания COVID-19. Для сравнения: в Соединённых Штатах

на тот же период времени было официально зафиксировано в 5 раз больше случаев инфицирования коронавирусом, чем на всем Африканском континенте.

Анализируя статистику, невольно задаешься вопросом: «Каким образом в государствах с неразвитой системой здравоохранения и низким качеством жизни населения заболеваемость и смертность в разы ниже, чем в лидирующей по многим направлениям экономического развития и технологического прогресса державе?». Как показал опыт борьбы с лихорадкой Эбола, многие государства Африки не обладают доступными мощностями для эффективного противостояния эпидемиям: сложно говорить о доступе к необходимым лекарствам и квалифицированной медицинской помощи в тех районах, в которых ощущается недостаток продовольствия и отсутствует чистая вода. В чем же загадка «Африканского чуда»? Стоит сказать, что существуют две версии объяснения данного явления: оптимистичная и не очень. Мрачная

версия строится на идее о том, что официальные статистические данные сильно [расходятся](#) с реальной статистикой. Это может быть вызвано разными причинами, ключевыми среди которых считают недостаточный уровень тестирования на COVID-19 и сознательное замалчивание фактов. Также нередко в качестве причины смерти пациентов фигурирует диагноз воспаление легких, который зачастую может быть вызван коронавирусом.

В «светлой» версии внимание акцентируется на ряде объективных факторов. Во-первых, Африка представляет собой достаточно молодой континент: если рассмотреть возрастной состав его населения, то большую часть [составляют](#) дети (до 18 лет), а средний возраст не превышает 20 лет. Широко известен тот факт, что пожилые люди чаще переносят заболевание COVID-19 в тяжелой форме, вследствие чего процент летальности среди людей в возрасте намного выше, чем среди молодежи. Таким образом, низкая смертность и низкое количество зарегистрированных случаев заболевания вполне может быть связано с тем, что молодое африканское население переносит коронавирус в легкой форме и просто не обращается за врачебной помощью. Например, такая ситуация сложилась в Руанде, где в апреле все [110 заболевших](#) COVID-19 перенесли вирус в легкой форме и ни одному из них не понадобился аппарат ИВЛ. Во-вторых, некоторые ученые считают, что африканцы могут обладать повышенной устойчивостью и более сильным иммунитетом к коронавирусу, потому что на протяжении долгих лет подвергаются воздействию подобных, но более слабых вирусов. Данное утверждение разделяет и Джеффри Гриффитс, врач из Университета Тафтса, который так же [вы-](#)

[двинул предположение](#) о еще одном факторе, ослабляющем действие коронавируса – климате. По его мнению, COVID-19, как и грипп, становится менее активным в жарком экваториальном и субэкваториальном климате, вследствие чего он передается от человека к человеку медленнее. В-третьих, часть экспертов придерживается позиции, что за годы эпидемий при содействии медицинских сотрудников иностранных государств правительства Африканских стран смогли выстроить систему быстрого реагирования на инфекционные угрозы и принять превентивные меры по отношению к пандемии коронавируса. Однако данный тезис подвергается сомнению и активно обсуждается в экспертных кругах.

Африканский кейс ярко демонстрирует нам взаимовлияние и переплетение огромного числа различных факторов, тем или иным образом влияющих на распространение коронавирусной инфекции. Большинство аналитиков склонны считать, что истина, наиболее близкая к реальности, находится где-то между оптимистичной и пессимистичной версиями событий. Тем не менее, у обеих версий есть существенный недостаток – они не учитывают меры по борьбе с COVID-19, применяемые конкретными африканскими государствами.

В области противостояния коронавирусной инфекции главной особенностью Африканского континента выступает его крайне высокая разобщенность. Для стран [нехарактерно сотрудничество](#) и коллективные меры, а скорее типично широкое разнообразие подходов, которое заметно осложняет ситуацию.

Среди всех стран региона стоит уделить особое внимание Гане – это западноафриканское государство на побережье Гвинейского залива достигло значительных успехов в борьбе против коронавируса. Правительство Ганы первым предоставило медсестрам трехмесячные налоговые каникулы и перестало облагать налогами медицинские изделия. Для стимулирования работы предприятий и оказания экономической поддержки домохозяйствам правительство Ганы [выделило](#) бюджетные средства из резервного фонда в размере 219 миллионов долларов. Одной из нестандартных инициатив, нашедших поддержку у правительства, стало создание мобильного приложения, позволяющего отслеживать передвижения любого человека, имеющего положительный результат теста на COVID-19 или вступившего в контакт с инфицированным коронавирусом лицом. Данное приложение получило [неоднозначные оценки](#) со стороны населения: часть пользователей оценили инициативу положительно, некоторые не могут скачать приложение, поскольку оно не подходит для iPhone, а другие справедливо отмечают, что приложение направлено на довольно узкую аудиторию жителей Ганы, имеющих гаджеты и доступ к интернету.

Действия стран Африки по борьбе с коронавирусом значительно отличаются от стратегии большинства развитых стран. Так, страны Запада придерживаются концепции «сглаживания кривой» (to flatten the curve), которая предполагает строгие ограничительные меры в виде карантина, которые призваны сократить число заболевших и избежать их скачкообразного роста. Иными словами, эта стратегия делает упор на то, чтобы распределить число заболевших во времени и избежать ситуации, при которой количество тяжелых больных превысит количество доступных аппаратов ИВЛ. Обязательным условием для осуществления подобной стратегии является наличие минимального потенциала системы здравоохранения, поэтому в странах Африки «сглаживание кривой» неприменимо. В то время, как в Соединенных Штатах [насчитывается](#) примерно 172 000 аппаратов ИВЛ (и этого недостаточно), в Сьерра-Леоне имеется 13 аппаратов ИВЛ, в Южном Судане еще меньше – четыре аппарата, а в Либерии – вообще три.

Спустя полгода после принятия активных мер по борьбе с распространением коронавирусной инфекции в странах Африки можно подвести промежуточные итоги. Африканским странам удалось провести 13 миллионов тестов на COVID-19, что позволило обследовать примерно 1 процент населения континента. По словам уже упомянутого камерунского вирусолога Джона Нкенгасонга, идеально было бы проводить 13 миллионов тестов в месяц, однако на сегодняшний момент возможности не позволяют сделать этого. Тем не менее главным достижением можно назвать тот факт, что

на сегодняшний день все страны Африки имеют возможность проводить тестирование населения, несмотря на то что в начале пандемии такими возможностями располагали лишь два государства. Большинство экспертов утверждают, что перспективы Африки напрямую зависят от доступа к вакцине против COVID-19, которая позволит гражданам африканских государств приобрести коллективный иммунитет от коронавируса. По оценкам Джона Нкенгасонга, для этой цели необходимо по крайней мере 1,5 миллиарда доз вакцины, однако ВОЗ [установила](#) минимальное количество в 220 миллионов доз. Подобные ограничения подталкивают страны Африки к кооперации: так, африканские страны провели конференцию, в ходе которой отметили необходимость справедливого доступа к вакцине, а также важность изучения процесса ее производства для того, чтобы начать производить вакцину самостоятельно и снизить свою зависимость от внешнего мира. Результаты сотрудничества в Африканском регионе могут переломить тенденции партикуляризма, проявившие себя в начальный период пандемии, и покажут, насколько устойчивым окажется «Африканское чудо» в долгосрочной перспективе.

Екатерина Борщевская

«Моральная неспособность» или результат внутренней борьбы: причины и возможные последствия импичмента президента Перу

2020 г. насыщен крупными политическими событиями. Коронавирус, столкновение США и Ирана, а теперь и в Перу неспокойно: в Конгрессе прошло голосование по импичменту президента. В чем дело? Перуанский парламент объясняет свою позицию «моральной неспособностью» президента страны Мартина Вискарры занимать этот пост. Мартин Вискарра, в свою очередь, умело парирует. По его мнению, выпады конгрессменов в его сторону — не более чем заговор и попытка переворота. Разбираемся!

Начнем издали. Мартин Вискарра стал президентом Перу в 2018 г. Он собирался провести ряд антикоррупционных реформ, но встретил противодействие парламента. Это вынудило президента распустить Конгресс, после чего были назначены новые парламентские выборы. Все это происходило в конце 2019 г. и на фоне тревожных новостей на тему коронавируса прошло мимо внимания мировой общественности.

До этого Мартин Вискарра около года занимал пост министра транспорта и коммуникаций. Именно он вполне успешно разрешил кризис, возникший из-за наводнений 2017-2018 гг. Тогда же Вискарра начал борьбу с коррупцией, аннулировав контракты с многими компаниями еще до завершения расследования, проводимого Управлением финансового контроля. Позже Мартин Вискарра ушел в отставку. Аналитики оценили

его работу на посту министра очень высоко, при этом отметив, что политический клан семьи Фухимори и оппозиция создавали серьезные препонны на пути министра.

Не будем забывать, что Мартин Вискарра пришел к власти уже после того, как предыдущий президент Перу помиловал Альберто Фухимори (также экс-президента), что привело к конституционному кризису. Мартин Вискарра принял присягу в качестве президента страны потому, что его рейтинг поддержки составил 57 процентов. Кроме того, он зарекомендовал себя как борец с коррупцией.

Что же происходит сейчас? Мартин Вискарра не оставил попыток провести реформы и в очередной раз столкнулся с Конгрессом. Депутаты выдвинули в состав Кон-

ституционного суда людей, которых президент подозревал в махинациях. Провести проверку депутаты отказались. Поскольку Конгресс не прислушался к его заявлению, Мартин Вискаarra объявил о роспуске парламента. Казалось бы, повторилась история 2019 г., однако на этот раз парламента решил идти до конца и отстранил президента от должности на годичный период из-за его «моральной неспособности» руководить страной. Намечился конституционный кризис.

Чем же парламента объясняет эту «моральную неспособность»? Как бы парадоксально это ни звучало, — коррупцией и попытками воспрепятствовать парламентамскому расследованию, а также растратой бюджета. Глава Конгресса Мануэль Мерино созвал сессию в связи с аудиозаписью, на которой президент Мартин Вискаarra якобы обсуждает способы сокрытия предполагаемого нецелевого использования государственных средств. Речь шла о малоизвестном певце Ричарде Сиснеросе, нанятом для проведения проправительственных мотивационных бесед. Сообщается, что певцу заплатили 49,5 тыс. долларов (38 тыс. фунтов стерлингов).

Оппозиция зацепилась за эту новость и обвинила президента в том, что он растрчивает общественное достояние, в то время как простые перуанцы сталкиваются с экономическими трудностями на фоне коронакризиса.

Что ответил на это сам Мартин Вискаarra? Он отверг все обвинения в свой адрес и остался уверен, что всё это — лишь заговор оппозиции с целью дестабилизировать его правительство. «Закрывание парламента выглядит демократическим решением проблемы, от которой страна страдает уже три

года, — заявил господин Вискаarra в интервью по этому поводу. — Позвольте уже людям решить, кто прав».

А люди тем временем поддержали президента. После его выступления около здания Конгресса собралась большая толпа, выкрикивавшая оскорбления парламента. Полиция и военные также высказали поддержку президенту. В результате импичмент президента не состоялся: заседание отклонило предложение об отстранении Вискаarra от должности президента республики: 32 голоса за, 78 против при 15 воздержавшихся.

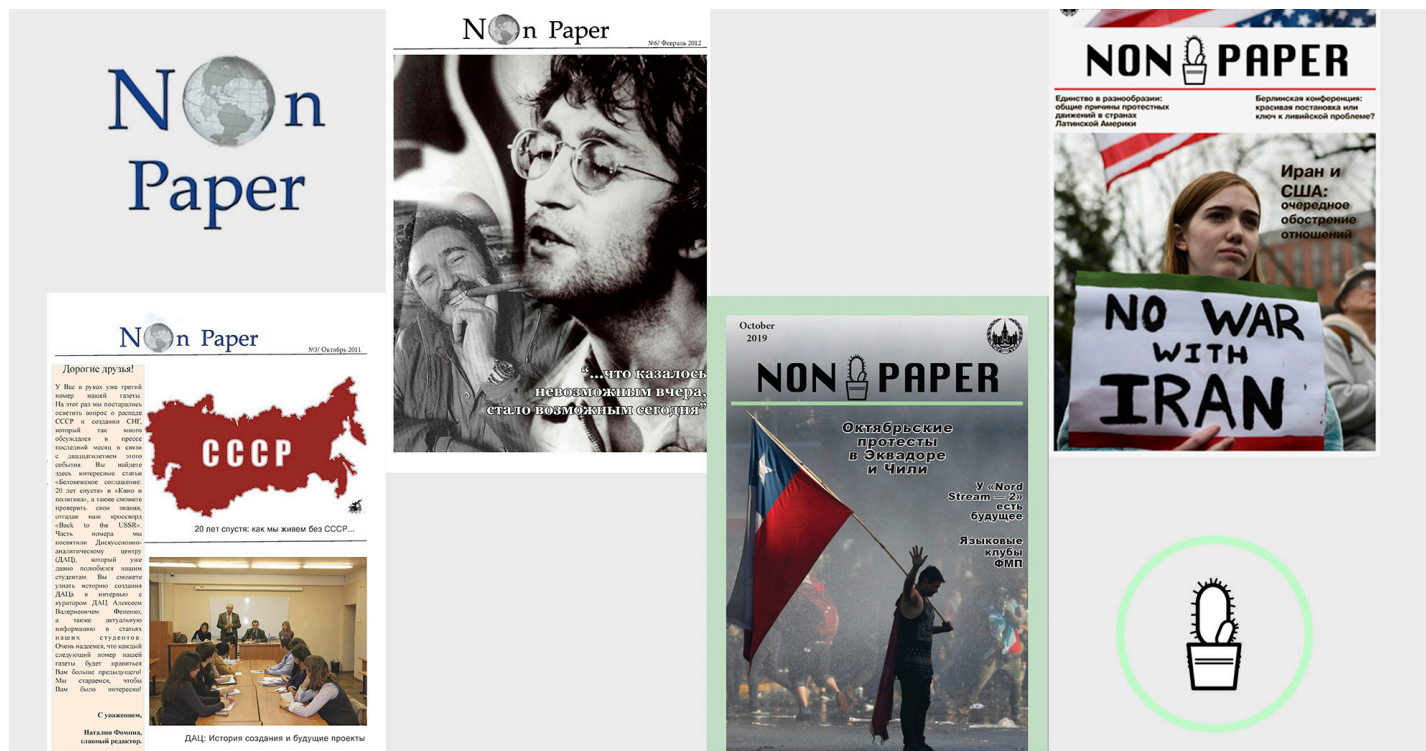
Ситуация очень сложная и запутанная. Мартин Вискаarra зарекомендовал себя как честный и открытый политик. При такой репутации невероятно сложно подозревать его в нечистых делах. Однако власть портит человека, и сколько примеров мы знаем, когда честные политики оказывались волками в овечьих шкурах! Так ли безупречен Мартин Вискаarra? Ведь есть же подтверждение в виде аудиозаписи!

Проблема в том, что аудиозапись — доказательство сомнительное. Современные технологии позволяют подделать голос, а, учитывая сложные отношения между президентом и оппозицией, мы можем предположить и такой вариант. Мартин Вискаarra, впрочем, не отрицает, что такой разговор был; он принес извинения за резонанс, который спровоцировала эта запись, однако отметил: «Трактуют запись неверно».

Невольно склоняешься к мысли, что ситуация в Перу — результат коллизий в коридорах власти. Вести борьбу с коррупцией опасно, особенно если ее уровень высок. Решительные реформы и закручивание гаек пугают чиновников, поскольку оказаться на плахе может кто угодно. В таких случаях заговор неизбежен: даже тот, кто чист на руку, боится стать жертвой ошибки.

Так или иначе, импичмент не состоялся. Республика вряд ли справится с новым конституционным кризисом. Страна и так измучена пандемией, а общественные волнения только увеличат число заболевших и больно ударят по экономике. Даже если Мартин Вискаarra действительно виноват в том, в чем его обвиняют, сейчас не самое подходящее время проводить разбирательства.

Наталья Санникова

История Non Paper

Сегодня Non Paper – крупное студенческое издание ФМП МГУ с разветвленной внутренней структурой и большим штатом. Деятельность редакции газеты включает в себя как издание ежемесячного печатного номера, так и ведение страничек в социальных сетях. Но знаете ли вы, когда на ФМП появилась Non Paper? Откуда она вообще взялась? Кто и с какой целью решил реализовать этот проект? Чтобы ответить на эти вопросы, мы связались с выпускниками нашего факультета, нашли тех, кто в далекие (или не очень?) 2010-ые гг. начинал выпускать факультетскую газету.

Non Paper существует на факультете мировой политики с 2011 г. и совсем недавно праздновала свой день рождения – 6 октября нам исполнилось 9 лет!

Когда создавалось издание, ФМП был еще совсем юным: многие студенческие объединения только начинали формироваться и укрепляться, пробуя тот или иной формат. В 2010 г. команда студентов-создателей Non Paper принимала участие в организации Модели ООН МГУ. У Модели была своя газета, выходившая раз в году во время самого мероприятия, – хорошо известная многим MSUMUN TIMES. Однако Наталия Холзакова, будущий первый главный редактор, и ее коллеги осознавали, что вместе с факультетом должна расти и студенческая активность, студенческая журналистика...

«После выпуска газеты MSUMUN TIMES мы вдруг поняли, что не хотим ограничиваться только временем проведения Модели, нам есть, что сказать и вне ее, – рассказала нам Наталия. – Хотелось положить начало настоящей факультетской газете, которая являлась бы периодическим изданием, а не была посвящена лишь одному событию. Мы хотели создать газету, в которой можно было бы освещать мероприятия на факультете, интересные и актуальные новости со всего мира, а также публиковать интервью с почетными гостями факультета».

На первых порах Non Paper представляла собой классическую студенческую газету. В ней писали о событиях, которые проходили на ФМП, периодически выпускали тематические номера: например, про традиции празднования Нового года в разных регионах.

Как отметила Наталия, команде основателей удалось «подготовить несколько выпусков газеты, тем самым положив начало славной факультетской традиции». На протяжении всего периода существования газеты ее куратором был и остается А. В. Фененко, без поддержки и мудрых советов которого функционирование редакции было бы невозможно.

С годами издание росло, а фокус статей постепенно смещался с факультетских событий на международную арену. У журналистов появилось стремление анализировать глобальные проблемы, актуальные вопросы, связанные непосредственно с их специальностью – международными отношениями. В газете также продолжили рассказывать о факультете, публиковать интервью с приглашенными экспертами.

В 2015 г. пост главного редактора заняла Елена Карнахова. В интервью изданию она поделилась своими воспоминаниями: «В 2015 г. мне предложили стать главным

редактором студенческого издания факультета мировой политики Non Paper. Я была очень рада возможности попытаться свои силы в сфере, которая ранее для меня была не совсем известна. Рассматривала своё назначение как настоящий вызов судьбы и проверку на стрессоустойчивость, ведь работа главного редактора – дело не из легких.

В мои обязанности входили подготовка плана ежемесячного номера и его утверждение, подбор потенциальных журналистов, первичная корректура текстовых материалов и взаимодействие с корректором, верстка выпуска. С последним мне очень сильно помогали, особенно по части оформления красивых обложек. К слову, большую помощь и поддержку я получала и в рамках печати номера в факультетской типографии. Большое спасибо коллегам за это!

Больше всего мне нравилось верстать, как ни странно, и коммуницировать с журналистами. Возможность написать статью с учётом плана номера предоставлялась всем, ограничений не было – требовались лишь грамотный и захватывающий текст и, конечно, желание интеллектуально потрудиться. Иногда моя деятельность в качестве главного редактора напоминала белку в колесе: ты только распечатала один номер, как уже садишься в тот же вечер готовить новый. Колесо крутилось практически без остановок. Но должна признаться, крутить его мне безумно нравилось.

Работа в газете была очень важна для меня. Я получала удовольствие от самого процесса, хоть это дело достаточно хлопотное. Бытность в должности главного редактора стала испытанием моих сил и способностей, она позволила открыть для меня новую сферу, осознать любовь к работе с текстом. Очень многие полученные тогда навыки я по-прежнему использую уже и на профессиональном поприще. Нравилось испытывать и чувство исполненного долга перед факультетом каждый месяц, нравилось получать поддержку от всех тех, кто был причастен к каждому номеру. Поэтому с огромной грустью пришлось расстаться с газетой в конце 2017 г. – выпускной курс бакалавриата, подготовка дипломной работы не давали возможности погружаться в работу главного редактора с головой. До сих пор храню в памяти те насыщенные дни и испытываю благодарность по отношению к факультету за то, что доверил мне это дело. Надеюсь, я его не подвела».

Почти за 10 лет издание невероятно преобразилось не только внутренне, но и внешне. Логотип неоднократно менялся, пока все не пришло к тому кактусу, который вы видите на обложке Non Paper сегодня. Но начиналось все с земного шара, который располагался между словами «Non» и «Paper». «Эмблемой Non Paper мы тогда выбрали земной шар, глобус. Аналогия вполне понятна, я думаю, – рассказала нам Наталия Холзакова. – Это ведь очень яркий символ глобальной политики, мира, международных отношений».

Привычный нам нынешний логотип чем-то похож на своего прародителя, только мы изменили шрифт названия и поместили в серединку кактус, который стал сим-

волом нашего издания. О том, какое значение имеет это изображение и почему оно является нашей эмблемой, мы уже писали ранее в нашей группе VKontakte.

Внешний вид самого выпуска тоже значительно трансформировался. Во многом это связано с развитием технологий, ведь теперь нашему художественному редактору доступно куда большее число программ для верстки и дизайна, чем существовало раньше.

Первым верстальщиком и дизайнером была Юлия Кульчевская, именно она воплощала в реальность те идеи, которые генерировали члены команды вместе. Уже на этапе своего становления в 2011-2012 гг. Non Paper менялась: сравните выпуски №3 и №6, которые прикреплены к этому посту. Например, октябрьский номер как бы не имеет обложки, его первая страница – это уже приветствие главного редактора. В февральском же есть и полноценная обложка, и вторая страница с содержанием. Число колонок также отличается: от трех было решено перейти к двум.

В конце номеров раньше традиционно располагался график предстоящих событий на факультете, анонс грядущей Модели ООН, а также внизу помещались контакты редакции. Иногда в содержание включался кроссворд, связанный с основной тематикой номера (как, к примеру, в №3). А в настоящее время, как вы знаете, на оборотной стороне обложки у нас помещен кактус.

В 2019 г. в дополнение к ежемесячному печатному выпуску были созданы группа VKontakte и аккаунт в Instagram.

Так, Non Paper превратилась в перспективную платформу для развития, которая и сегодня помогает ребятам пробовать свои силы в политической журналистике, совершенствовать свои аналитические способности, делиться своим мнением. Сегодня в редакции трудятся более 20 журналистов, а также корректоры, редакторы, специалисты по SMM, дизайнеры и операторы. Осенью 2020 г. были созданы тематические отделы, главы которых выступают в роли кураторов для новичков, участвуют в составлении тем для номеров. Одним словом, Non Paper растёт и развивается!

Однако существует парадокс: если нас некому читать, то и само издание газеты бессмысленно. Поэтому невероятно важной и полноправной частью Non Paper являетесь вы, наши читатели! Мы благодарим каждого из вас за интерес и внимание, поддержку и любовь к нашей, общей с вами, факультетской газете! Уверены, история издания пополнится еще большим числом ярких фактов, ведь впереди у нас – мириады дней, полных событий. Спасибо, что остаетесь с нами.

Carpe diem!

**Анастасия Батагова,
Диана Хаджимурадова**

